

нимаются представители организаций «Хамас» и «Исламский джихад». Подобным группам израильских ультраправых свойственны «...те же черты, что отличают деятельность исламских террористических групп (легитимизация насилия религиозными предписаниями, чувство отчуждения, уничтожение широкой категории врагов)»². Таким образом, речь может идти о появлении движения способного, с одной стороны, применять тактику палестинских экстремистов против них самих, а, с другой стороны, готового направлять свои действия против представителей израильских партий и правительства, выступающих за мирное урегулирование палестино-израильского конфликта.

А это означает, что в ближайшем будущем возможна новая эскалация ближневосточного конфликта, на этот раз вызванная акциями израильских радикалов.

Айхан БАЙОГЛУ

ИССЛЕДОВАНИЯ СОВЕТСКИМИ ТЮРКОЛОГАМИ КИМАКСКОГО КАГАНАТА (1917 – 1930 гг.)

В начале исследования следует отметить, что, несмотря на обилие источников и специальной литературы, прочесть тюрко-язычных народов Центральной Азии так, как можно прочесть историю Греции, Рима, Византии, Франции, Англии, России или государств Ближнего Востока, невозможно, т.к. она практически не написана. Это объект, прежде всего, по специалистам-историкам смежных областей и, наконец, по специалистам - кочевниковедам, тонущим в непомерно разросшейся библиографии.

Потому, что чтение источников без применения к ним методов исторической критики бессмысленно, а многочисленные статьи по частным вопросам противоречивы. Для того чтобы двигаться вперед, необходимо подводить время от времени итог.

Сложность и многосторонность темы исследования Центральной Азии заставляют отнестись с сугубой внимательностью к принципам исторической критики и анализа. Для того чтобы написать историю древних тюрков, исходя из реального хода событий, потребовалось критическое переосмысление всех фактов.

В связи со сказанным, представляется очевидным, что вначале исследования самих тюркских каганатов необходим общий обзор исследователей Центральной Азии VI – X вв. Далее, на основе материалов указанных авторов, мы будем рассматривать сами формы государственных образований тюркских народов.

---

² Хоффман Б. Терроризм – взгляд изнутри. М., 2003.

В 60-х гг. XIX в. трудами Н.И. Ильминского³ и Радлова⁴ было положено начало новому этапу в истории изучения тюркских языков (изучение древне- и среднетюркских памятников письменности, сравнительное изучение языков, составление общетюркского словаря и др.).⁵ С именем В.В. Бартольда⁶ связан качественно новый этап изучения (с конца XIX в.) истории народов Средней Азии; им были поставлены важные проблемы социальной и экономической истории, введены в научный обиход многие научные исторические источники на языках народов Ближнего Востока. В XIX – начале XX вв. в развитии тюркологии начинают участвовать отдельные учёные – представители тюрко-язычных народов (Ч.Ч. Валиханов⁷, К. Насыри⁸, Н.Ф. Катанов⁹).

Советская тюркология отличаясь от дореволюционной тюркологии новой методологической основой, новыми задачами, в то же время она сохраняет лучшие традиции русского востоковедения. Помимо названных исследователей, большую роль в продолжении этих традиций сыграло активное участие в создании новой тюркологии таких учёных, как В.Д. Смирнова¹⁰, В.А. Богородицкого¹¹, А.Н. Самойловича¹², С.Е. Малова¹³, Н.И. Ашмарина¹⁴, А.Е. Крымского¹⁵, П.А. Фалева¹⁶, В.А. Гордлевского¹⁷, которые, начав свою деятельность в дореволюционной России, продолжали её в советское время.

³ Ильминский Н.И. Бабур-наме. – СПб., 1934.

⁴ См. Радлов В.В. Атлас древнейшей Монголии. – СПб., 1892 – 1899, Опыт словаря тюркских наречий. – СПб., 1899.

⁵ Важным моментом, на который необходимо указать, является определенная степень относительности временной даты 1917-1930-х гг. Так, исследователь тюркологии В.В. Радлов умер в 1918 г. и с формальной точки зрения исследователь относится к нашей проблематике. Но основная часть его работ по тюркологии была написана до 1917 г. Поэтому была некоторая сложность в использовании исследований данного учёного, а также ряда иных авторов.

⁶ См. Бартольд В.В. О христианстве в Туркестане в домонгольский период. // ЗВРАО. Т. VIII. 1893., Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью. – СПб., 1897, Туркестан в эпоху монгольского нашествия. – Л., 1927, Кыргызы. – Фрунзе, 1943, Историко-географический обзор Ирана. – СПб., 1903, Томсен и история Средней Азии. – Пг., 1926.

⁷ Валиханов Ч.Ч. Собр. – Алма-Ата, 1985.

⁸ См. Насыри К. Поверья и обряды казанских татар. – СПб., 1880, Образцы народной литературы казанских татар. – СПб., 1896.

⁹ Катанов Н.Ф. Сказание иностранцев о Казани. – Казань, 1903.

¹⁰ См. Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII века. – СПб., 1887, Обречённые произведения османской литературы в извлечениях и отрывках. – СПб., 1903.

¹¹ См. Богородицкий В.А. Введение в тюрко-татарское языкознание. – Казань, 1922, Этюды по татарскому и тюркскому языкознанию. – Казань, 1933.

¹² Самойлович А.Н. К истории литературного среднеазиатского тюркского языка. Сб. «Мир Али-Шир». – Л., 1929.

¹³ См. Малов С.Е. Изучение ярлыков и восточных грамот. – М., 1928, Памятники древнетюркской письменности. М., 1951.

¹⁴ См. Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка. – М., 1928 – 58, Общий обзор народных тюркских говоров. – Баку, 1926.

¹⁵ Крымский А.Е. История Турции и ее литературы от расцвета до начала упадка. – М., 1910.

¹⁶ Фалев П.А. Введение в изучение тюркских литератур и наречий. Лекции, читанные П.А. Фалевым в 1921 г. в Туркест. восточ. ин-те. – Ташкент, 1922. С. 40

¹⁷ См. Гордлевский В.А. Грамматика турецкого языка. (Морфология и синтаксис). – М., 1928, Турецкая хрестоматия со словарем. – М., 1931.

Значительный вклад в отечественную тюркологию (в том числе в изучение тюркских языков) внесли А.П. Поцелуевский¹⁸, И.А. Батманов¹⁹, К.К. Юдахин²⁰, Н. Сауранбаев²¹, С. Аманжолов²², Н.А. Баскаков и другие исследователи.

Ученые русской школы настолько сроднились с Центральной Азией, что научились смотреть на ее историю «раскосыми и жадными» глазами степняков. Благодаря этому русские ученые уловили много нюансов, ускользавших от западных европейцев, и создали своеобразный аспект изучения кочевого мира.

Основоположником изучения истории и палеоэтнографии Средней Азии в России был Н.Я. Бичурин²³. Сделанные им переводы китайских хроник до сих пор остаются надежным фундаментом для исследований. Ошибки и неточности перевода редки, несущественны и не искажают основного повествования, как показали текстологические работы Н.В. Кюнера²⁴, специально сличавшего труды Бичурина с подлинными текстами.

Базируясь на вкладе Бичурина, В.В. Григорьев²⁵ создал монументальную работу по исторической географии Восточного Туркестана. Путем сравнения греко-римских и арабо-персидских сведений с китайскими, ему удалось установить преемственность культур и народов в этой области.

В небольшой, но исключительно сжатой и насыщенной фактами и мыслями книге Н.А. Аристов²⁶ дал сводку сведений обо всех тюркских существующих племенах и подошел вплотную к исследованию племен исчезнувших.

Русская наука первая поставила вопрос о корнях кочевой культуры. Особенности социальных институтов последней, стиль произведений искусства и характерные черты военного дела, изученные с достаточной глубиной, показывают, что кочевая культура имеет самостоятельный путь становления, а не является периферийной, варварской, неполноценной.

Действительно, археологические работы С.И. Руденко²⁷, С.В. Киселева²⁸, А.П. Окладникова²⁹ дали такие результаты, что ныне вопрос мо-

¹⁸ Поцелуевский А.П. К вопросу о происхождении формы настоящего времени в тюркских языках юго-западной группы. – Алшбад, 1948.

¹⁹ См. Батманов И.А. Принципы построения описательной грамматики киргизского языка. Фрунзе, 1954. Категория времени сказуемого в тюркских языках. (Генезис представлений и употребление форм). Фрунзе, 1961.

²⁰ Юдахин К.К. Киргизско-русский словарь. – М., 1965.

²¹ Сауранбаев Н.Т. Семантика и функции деепричастий в казахском языке. – Алма-Ата, 1942.

²² Аманжолов С. Вопросы диалектологии и истории казахского языка. – Алма-Ата, 1959.

²³ Бичурин Н. Я. (Иакинф). Записки о Монголии. – СПб., 1928, Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – М., 1950., Собрание сведений по исторической географии Средней и Восточной Азии. – Чебоксары, 1960.

²⁴ Кюнер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. – М., 1961.

²⁵ Григорьев В.В. Восточный или Китайский Туркестан. – СПб., 1929.

²⁶ Аристов Н.А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности. // Живая старина. – СПб., 1896.

²⁷ См. Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. – М., 1953., Культура населения Центрального Алтая в скифское время. – М., 1960.

жет быть поставлен лишь о взаимных влияниях между оседлыми и кочевыми народами, а никак не о заимствовании кочевниками культуры у китайцев, согдийцев или греков.

В перечисление не попали многие, в том числе В.В. Бартольд, крупнейший специалист по истории мусульманского Востока. Работы В.В. Бартольда по истории тюрков³⁰ хотя и сыграли положительную роль в истории вопроса, но не внесли той ясности, которая смогла бы стать перспективой исследования. Очень уж разнились между собой в VI – VIII вв. кочевые тюрки и персы, в историю которых В.В. Бартольд вжился.

Особое место в истории кочевниковедения занял Г.Е. Грумм-Гржимайло³¹, работавший в начале XX в., когда открытие и прочтение орхонских надписей значительно повысили научный интерес к тюркологии. Уже к концу XIX в. возникла огромная противоречивая литература на четырех языках, недоступная для начинающего исследователя. Нерешенные проблемы бросались, т.к. из-за притока новых материалов возникали новые вопросы, и обширная библиография грозила подменить собой науку, предлагая вместо ответов на волнующие вопросы ссылки на разноречивые мнения многочисленных авторов. Так как начинающий историк, естественно, не мог прочесть всех написанных о тюрках книг, то для него было только один путь – сужение темы, а отсутствие общей перспективы давало, как правило, неблагоприятные результаты.

Г.Е. Грумм-Гржимайло, отчетливо сознавая, что его любимый предмет вот-вот будет похоронен под грудой названий книг, номеров журналов, ссылок и сносок, взялся за «кропотливый и неблагодарный труд» – сведения всех существующих точек зрения и выяснения частных проблем этнологии, хронологии, исторической географии и истории Средней Азии с древнейших времен до XX в.

К счастью, было еще не поздно, и благодаря удивительной самоотверженности и таланту он за 25 лет создал сводную работу «Западная Монголия и Урянхайский край» (т.е. исторический очерк этих стран в связи с историей Средней Азии). Это сочинение стало настольной книгой для всех историков Азии, причем необходимо отметить оригинальный подход автора к материалу. До тех пор историей Востока занимались филологи-ориенталисты, переводившие восточных авторов.

Заслуга их перед наукой велика, но это только один аспект изучения, и им не исчерпывается все многообразие наблюдаемых явлений. Г.Е. Грумм-Гржимайло взглянул на историю глазами географа. Ис-

²⁸ Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. – М., 1951.

²⁹ См. Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. – М., 1955., Далекое прошлое Приморья. – Владивосток, 1959.

³⁰ См. Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. – Л., 1927, Кыргыз. – Фрунзе, 1943, Историко-географический обзор Ирана. – СПб., 1903, Томсен и история Средней Азии. – Пг., 1926.

³¹ См. Грумм-Гржимайло Г.Е. Описание путешествия в Западный Китай. – СПб., 1896., Материалы по этнологии Амдо и области Кукунора. – СПб., 1903., Западная Монголия и Урянхайский край. – Л., 1926.

пользуя свой личный опыт, накопленный в путешествиях, он нашел соответствия между сведениями, почерпнутыми из летописей, и природой Тянь-Шаня, Хангая, Гоби.

Трудности, пережитые Грумм-Гржимайло в горах и пустынях, дали ему возможность представить себе, как вписывались исторические события в ландшафт, и потому ему удалось сделать много блестящих историко-географических открытий, как, например, установить место крепости Бишбалык.

В.В. Бартольд перенес острие критики на филологическую подготовку Г.Е. Грум-Гржимайло, который решал проблемы ономастики как историк. Спор возник по поводу двух имен, встреченных в орхонских надписях, которые П.М. Мелиоранский, В.В. Радлов и сам В.В. Бартольд рассматривали как имя легендарного прародителя тюрков, а Н.А. Аристов и Г.Е. Грум-Гржимайло – как имена двух братьев – ханов Первого каганата³².

Спор был окончательно решен в пользу последнего предположения, и тем самым был реабилитирован метод интерпретирования источников, против которого высказывался В.В. Бартольд, считавший в то время, что грамматически верно прочтенный текст, страхует исследователя от ошибок. Слов нет, тексты нужно читать точно, но история одного этого диспута показывает, что грамматика и фонетика не могут заменить исторической критики.

Еще более опасна была рекомендация В.В. Бартольда ограничиться разработкой частных вопросов и отмечать отдельные промахи специалистов. К счастью, Г.Е. Грум-Гржимайло не принял ее во внимание. Если бы он поступил иначе, то к существовавшему тогда морю библиографии, прибавилось бы 200 – 300 названий полемических заметок, разбросанных по разным периодическим изданиям без следов системы. Тогда просто не хватило бы времени ни у одного ученого разобраться ни в одном вопросе, т.к. он тратил бы силы не на продумывание предмета, а на поиски тех или иных статей. Кроме того, за полвека, прошедшие со времени этой полемики, не нашлось специалиста, который взял бы на себя труд сводки мнений по широкой теме.

Однако отрицательное отношение к труду Г.Е. Грум-Гржимайло сохранило некоторую инерцию. Так, исследователь А.Ю. Якубовский³³ повторяет ранние оценки В.В. Бартольда и ставит в вину Г.Е. Грум-Гржимайло «незнание восточных языков» и «отсутствие специального исторического образования».

---

³² Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. – Л., 1926. С. 76 – 78.

³³ Якубовский А. Ю. Из истории изучения монголов периода XI – XIII вв. Очерки по истории русского востоковедения. М., 1953. С. 37.

Наиболее ожесточенные споры возникли после дешифровки орхонских надписей, содержание которых дало богатый материал для социологических построений. В 1896 г. высказал свою точку зрения Н.А. Аристов³⁴.

Тюрки, по его мнению, были связаны между собой лишь политическим объединением и военной дисциплиной. Государственную систему каганата он называет «бюрократической», противопоставляя ее как аристократии, так и демократии.

Н.А. Аристов высказал точку зрения, согласно которой создание государств у кочевников происходит «вследствие усиления одного из племен, во главе которого стояли храбрые, умные и счастливые в своих предприятиях родоначальники, успевшие подчинить своему влиянию роды своего племени и покорить остальные племена»³⁵. Падение же он относит за счет междоусобиц «под преобладающим влиянием стремлений родов и племен к самостоятельности...»³⁶. Взгляд Н.А. Аристова в целом соответствует действительности, но нуждается в развитии, аргументации и некоторых коррективах.

В.В. Радлов отстаивал точку зрения элементарного волонтаризма. Он полагал, что только влияние вождей племен могло способствовать образованию в кратчайшее время мощных племенных комплексов. Вожди захватывали ханскую власть, и только крепкая рука хана могла удержать от гибели кочевое государство. Как только эта рука слабела, оно разваливалось³⁷. По этому поводу можно заметить, что настроения народа и преданность дружины делают руку хана крепкой или слабой в значительно большей степени, чем его личные качества.

В.В. Бартольд объяснил, что «в надписи высказываются некоторые демократические мысли» и сравнил тюркских ханов с обоими Наполеонами, которые, окружив престол военной аристократией, придерживались идеи демократической империи³⁸. Намного позднее Бартольд отмечал, что факт сословной борьбы не отмечен ни Радловым, наблюдавшим жизнь кочевников тогда, когда у них не было резкой социальной дифференциации, ни Томсеном, который, признавая борьбу между знатью и простым народом, не отметил значения этого факта³⁹. Взгляды В.В. Бартольда, несмотря на кажущееся правдоподобие, не подтверждаются анализом истории тюркотов и голубых тюрок в целом.

Специальную работу этой теме посвятил А.Н. Бернштам, который попытался в общем виде нарисовать картину создания «кочевых импе-

³⁴ Аристов Н.А. Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков Большой орды и кара-киргизов. – Л., 1924.

³⁵ Там же. С. 143.

³⁶ Там же. С. 144.

³⁷ Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. – М., 1960.

³⁸ Бартольд В.В. Томсен и история Средней Азии. – Пг., 1926. С. 176.

³⁹ Там же. С. 177.

рий»⁴⁰. Несмотря на огромное количество учтенных фактов и детальную разработку источников, его выводы вызывают возражения, мешающие принять их полностью. Причин к тому две: общие соображения А.Н. Бернштама включают некоторые предвзятые мнения, не преодоленные исследователем, а частные замечания содержат «переходящие ошибки», т.е. гипотетические предположения, впоследствии опровергнутые, но удержавшиеся, потому что опровержение потонуло в море мелких статей, разлившихся в библиографический океан.

Подводя общий итог по данному разделу, можно отметить, что спектр исследований и исследователей 1917 – 1930-х гг. Центральной Азии VI – X вв. очень широк. Советская тюркология, унаследовав лучшие дореволюционные традиции в 1917 – 1930-х гг., продолжала развиваться бурными темпами, в основном уже исследуя семантику тюркских языков.

Непосредственно важным рассмотрением Кимакского каганата, в свое время являвшегося одним из крупных племенных государств тюркских кочевников. Г.Е. Грумм-Гржимайло⁴¹ отмечает, что Кимакский каганат занимал обширную территорию: от верхней Оби до нижней Волги и от низовий Сырдарьи до Сибирской тайги. Но центральным местом был Иртыш, где по легендам и возникло это государство. Территория этого государства была населена самыми различными народами, как это было в кочевом конфедеративном образовании.

Ряд исследователей⁴² отмечают, что кимакский каганат возник на рубеже VIII – IX вв. на территории Южной Сибири, Казахстана и Кыргызстана и просуществовал до XI в. Основную роль в образовании каганата сыграли кимаки, которые переселились из степей Центральной Азии в Южную Сибирь и Казахстан и установили свое политическое господство над местными кыпчакскими племенами.

А.Н. Бернштам⁴³ отмечает, что в государство кимаков первоначально входило семь племен: имак, ими (оба – огузские племена), баяндур, татар, ланиказ, аджлау и кыпчак. Главным племенем было яньмо (иемак - кимак). В это государство влились и часть уйгуров после развала Уйгурского каганата.

Н.Я. Бичурин⁴⁴ отмечает, что возможно именно уйгурам, как и в других местах, принадлежит решающая роль в процессе объединения. Слово «кимак» не встречается в китайских источниках и древнетюрк-

---

⁴⁰ Бернштам А.Н. Социально-экономический строй орхон-енисейских тюрок в VI – VIII вв. – Л., 1946.

⁴¹ Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. – Л., 1926. С. 118.

⁴² Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. – М., 1951. С. 69.

⁴³ Бернштам А.Н. Археологический очерк Северной Киргизии. – Фрунзе, 1941. С. 154.

⁴⁴ Бичурин Н.Я. Собрание сведений по исторической географии Средней и Восточной Азии. – Чебоксары, 1960. С. 74.

ских памятниках. Н.А. Аристов⁴⁵ согласует слово «кимак» с монгольским племенем «каи» (народ змей), что вполне вероятно, исходя из этногенетических преданий (татары выводятся из северо-запада Монголии).

Верховная власть в Кимакском каганате принадлежала кагану (хагану, «шад-тутуку»). Само оно делилось на 11 провинций, во главе которых стояли управители. Власть кагана и управителей была наследственной. Также широко была развита система удельного землепользования. Право на удельное владение давалось каганом, владельцы земель обязаны были выставлять ему определенное количество воинов, организовывать сбор налогов и обеспечивать выполнение законов и порядка. Каган пребывал в городе, расположенном на Иртыше.

В стране существовали десятки городов, развалины которых обнаружены в Южной Сибири и Казахстане. Умерших хоронили в курганах по способу трупоположения или сожжения (кремация). От тюрков – своих ближайших предков – кимаки унаследовали захоронение вместе с умершим коня, изготовление каменных статуй и поклонение богу Тенгри. Н.В. Кюнер⁴⁶ отмечает, что в китайских письменных источниках VIII в. сохранились сведения о том, что на этапе образования Кимакского каганата каганы распространяли свою власть до страны башкир («горы Юйли-боли»). Башкирские племена и роды, особенно юго-восточная их группа, входили в состав кимакского государства.

Предки кимаков неизвестны. Однако в археологическом материале наблюдается общность предметов быта и погребальных обычаев с кыргызами⁴⁷. Арабские источники сообщают, что кимаки ведут происхождение от татар. Некоторые считают, что источники имеют в виду вообще тюркских кочевников, но арабские авторы выводят кимаков из юго-запада страны, т.е. северо-западной Монголии. К тому же среди кимаков имелся собственно народ под именем татар.

Страна кимаков состояла из одного крупного города (ставки верховного хана, носившего титул «байгу») и была разделена на 11 наследственных уделов, что тоже отражает конфедеративный и разноплеменный не только состав кимакского государства, но и основу сложивших страну элементов. У вождя кимаков была достаточно большая власть: при его одобрении назначались вожди племен, выдавались уделы (передающиеся по наследству), но как у всех кочевников, власть кагана была далека от абсолютизма.

⁴⁵ Аристов Н.А. Опыт выяснения этнического состава киргиз-казачков Большой орды и кара-киргизов. – Л., 1924. С. 86.

⁴⁶ Кюнер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. – М., 1961. С. 95.

⁴⁷ Бартольд В.В. Томсен и история Средней Азии. – Пг., 1926. С. 149.

В.В. Бартольд⁴⁸ указывает, что в пределах Кимакского каганата кочевало множество племен. Интересен и такой факт, что в мирные времена кимаки и огузы свободно перекочевывали друг другу на пастбища. Помимо скотоводства одним из основных промыслов было производство и продажа мехов. Имеются сведения о наличии письменности. В целом, эта была довольно богатая страна.

А.Н. Бернштам⁴⁹ предполагает, что кимакское государство было погублено миграциями центрально-азиатских кочевников, гонимых в свою очередь племенами Дальнего Востока. Для такого разноплеменного государства, отличающегося меньшей сложенностью в отличие от других конфедеративных племенных образований – кыпчаков, огузов, уйгур, достаточно было малейшего толчка для развала. Кимакское государство состояло из татарских, кыпчакских, огузских племен и его удерживало два фактора: как это всегда бывало при создании тюркских государств, роль одного племени во главе с деятельным вождем и нахождение вдали от «мест исторических баталий».

Интересен тот факт, что в 916 г. в Северном Китае образовалось государство Ляо, сложившееся на основе племен киданей. Экспансия государства Ляо привела к передвижению из Центральной Азии на запад племен кунов и каи. Под их напором пришло в движение племя шары (из кыпчаков). Каи и куны нанесли серьезный удар по государству кимаков. Оно, в свою очередь, также привело в движение кыпчаков, которые заставили огузов уйти в причерноморские степи.

Думается, что реальных причин для этого также накопилось достаточно. Прежде всего, для выпаса растущих с каждым годом стад, были необходимы новые пастбища. Длительный мирный период, обеспеченный сильной центральной властью кимакского кагана, кончился. Так, бурное развитие экономики в государстве привело к центробежным стремлениям отдельных владений, а значит, и к связанным с ними междоусобицам. На окраинных землях кимакские и кыпчакские воины включались поодиночке, а иногда и целыми родами в гузское (сельджукское) движение. Одновременно, богатая аристократия захватывала кочевые маршруты и пастбища. Рядовые кочевники, не ушедшие с родных земель, или шли в кабалу, или занимались разбоем, грабя кочевья более слабых соседей. Центральная власть уже не справлялась с одной из основных задач – наведением порядка внутри страны. Представляется, что кыпчаки фактически получили самостоятельность уже на рубеже X и XI вв., а с начала XI в. они двинулись к западу.

Таким образом, были рассмотрены исследования советскими тюркологами 1917 – 1930-х годов древних тюрков в центральной Азии.

---

⁴⁸ Там же. С. 154.

⁴⁹ Бернштам А.Н. Археологический очерк Северной Киргизии. – Фрунзе, 1941. С. 164.

Данная проблематика освещена в призме политико-государственных образований тюрков в следующей последовательности:

- общий обзор исследователей Центральной Азии VI – X вв.
- исследования советскими тюркологами Кимаковского каганата.

Следует подчеркнуть то, о чем уже говорилось ранее, а именно: динамика возникновения центрально-азиатских империй проста и прозрачна. Так, уже первоначальный завоевательный импульс направлен не столько на расширение пастбищных территорий, сколько на подчинение стран с иным хозяйственно-культурным укладом. Также весьма интересен тот факт, что степные племена консолидируются под властью одного вождя, одного рода, одной династии.

Представленные точки зрения советских тюркологов по проблеме государственных образований и культуры древних тюрков в центральной Азии дают значительный комплекс знаний и представлений о месте данной народности в общей картине этносов индоевропейской семьи. В современной России проживает большое количество этносов тюрко-язычного происхождения, потому изучение их истории по-прежнему является актуальным.

К. Лозовская

ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОМ КИТАЕ В 1896 – 1904 ГГ.

В XIX в. внешняя политика России развёртывалась на двух основных театрах – европейском и азиатском. Как правило, главное внимание уделялось Европе, значение же азиатского театра хотя и менялось, но в целом оставалось подчинённым. На рубеже XIX – XX вв. это соотношение изменилось в пользу дальневосточного направления, где особое место занимают русско-китайские отношения.

В. Мясников в своей статье об особенностях русско-китайских отношений говорит, что в данный период «хотя Россия и выступает на стороне Запада, её политика отлична от политических курсов колониальных держав. Оба государства стремятся к равносторонним отношениям. Именно в этот период между ними заключено наибольшее количество международно-правовых актов»¹. Другие же историки, как, например В.А. Емец, А.В. Игнатьев, считают, что отношения России и Китая вовсе не были равными. Строительство КВЖД, по их мнению, не только облегчило оборону дальневосточных рубежей, но и дало возможность для России «утвердиться в Маньчжурии и вообще расширить влияние на Китай»². И.М. Попов в своей

¹ Мясников В. Три нормы и пять прельщений: особенности русско-китайских отношений // Исторический журнал «Родина». – 2003. - №10. – С.22

² История внешней политики России (конец XV – 1917): [Т. 5]: Конец XIX – нач. XX вв. (От русско-французского союза до Октябрьской революции). М., 1999.